

Константин Батюшков

Стихотворения

Константин Николаевич Батюшков

Стихотворения

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2977005

Аннотация

«О, сладостна мечта, дщерь ночи молчаливой,
Сойди ко мне с небес в туманных облаках
Иль в милом образе супруги боязливой,
С слезой блестящею во пламенных очах!
Ты, в душу нежную поэта
Лучом проникнув света,
Горишь, как огонь зари, и красишь песнь его,
Любимца чистых сестр, любимца твоего,
И горесть сладостна бывает:
Он в горести мечтает...»

Содержание

Мечта	5
Послание к стихам моим	9
Элегия	12
Послание к Хлое	14
Перевод 1-ой сатиры Боало	17
К Филисе	22
Бог	27
К Мальвине	29
Послание к Н. И. Гнедичу	31
«Где друг наш? Где певец? Где юности красы?...»	36
Совет друзьям	38
К Гнедичу	41
«По чести, мудрено в санях или верхом...»	43
Пастух и соловей	45
Выздоровление	47
Сон могольца	48
«Прерву теперь молчания узы...»	50
К Тассу[5]	53
«Пустынник Петр говорил в верховном совете...»	58
«Адские духи царствуют в очарованном лесе;	62
Ринальд по повелению...»	
Воспоминание	69

Стихи г. Семеновой	71
Видение на берегах леты	73
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Константин Николаевич Батюшков Стихотворения

Мечта

О, сладостна мечта, дочь ночи молчаливой,
Сойди ко мне с небес в туманных облаках
Иль в милом образе супруги боязливой,
С слезой блестящею во пламенных очах!
Ты, в душу нежную поэта
Лучом проникнув света,
Горишь, как огонь зари, и красишь песнь его,
Любимца чистых сестр, любимца твоего,
И горечь сладостна бывает:
Он в горести мечтает.
То вдруг он пренесен во Сельмские леса,
Где ветер шумит, ревет гроза,
Где тень Оскорова, одетая туманом,
По небу стелится над пенным океаном;
То с чашей радости в руках
Он с бардом песнь поет – и месяц в облаках,
И Кромлы шумный лес безмолвствуя внимает,
И эхо вдалеке песнь звучну повторяет.

О, сладостна мечта, ты красишь зимний день,
Цветами и зиму печальную венчаешь,
Зефиром по цветам летаешь
И между светлых льдин являешь миртов тень!

Богиня ты, мечта! Дары твои бесценны
Самим невольникам в слезах.
Цепями руки отягченны,
Замки чугуны на дверях
Украшены мечтой... Какое утешенье
Украсить заключение,
Оковы променять на цепь веселых роз!..
Подругу ль потерял, источник вечных слез,
Ступай ты в рощицу унылу,
Сядь на плачевную могилу,
Задумайся, вздохни – и друг души твоей,
Одетый ризою прозрачной, как туманом,
С прелестным взором, стройным станом,
Как нимфа легкая полей,
Прижмется с трепетом сердечным,
Прижмется ко груди пылающей твоей.
Стократ мы счастливы мечтаньем скоротечным!

Мечтанье есть душа поэтов и стихов.
И едкость сильная веков
Не может прелестей сокрыть Анакреона,
Любовь еще горит во Сафиных мечтах.
А ты, любимец Аполлона,
Лежащий на цветах

В забвеньи сладостном, меж нимф и нежных граций,
Певец веселия, Гораций,
Ты в песнях сладостно мечтал,
Мечтал средь пиршеств и шумных, и веселых
И смерть угрюмую цветами увенчал!
Найдем ли в истинах мы голых
Печальных стойков и твердых мудрецов
Всю жизни бренной сладость?
От них эфирна радость
Летит, как бабочка от терновых кустов.
Для них прохлады нет и в роскоши природы;
Им девы не поют, слетятся в хороводы;
Для них, как для слепцов,
Весна без прелестей и лето без цветов.
Увы, но с юностью исчезнут и мечтанья,
Исчезнут граций лобызанья!
Как светлые лучи на темных облаках,
Веселья на крылах
Дни юности стремятся:
Не долго на цветах
В беспечности валяются.
Весеннею порой
Лишь бабочка летает,
Амуrow нежный рой
Морщин не лобызает.
Крылатые мечты
Не сыплют нам цветы,

Где тусклый опытность светильник зажигает.

Счастливая мечта, живи, живи со мной!
Ни свет, ни славы блеск пустой
Даров твоих мне не заменят.
Глупцы пусть дорого сует блистанье ценят,
Лобзая прах златой у мраморных крыльцов!
Но счастью певцов
Удел есть скромна сень, мир, вольность и спокойство.
Души поэтов свойство:
Идя забвения тропой,
Блаженство находить мечтой.
Их сердцу малость драгоценна:
Как бабочка влюбленна
Летает с травки на цветок,
Считая морем ручеек,
Так хижину свою поэт дворцом считает
И счастлив!.. Он мечтает.
1802 или 1803

Послание к стихам моим

Sifflez-moi librement, je vous le rends, mes freres.
*Voltaire*¹

Стихи мои! опять за вас я принимаюсь!
С тех пор как с музами, к несчастью, обращаюсь,
Покою ни на час... О, мой враждебный рок!
Во сне и наяву Кастальский льется ток!
Но с страстию писать не я один родился:
Чуть стопы размерять кто только научился,
За славою бежит – и бедный рифмотвор
В награду обретет не славу, но позор.
Куда ни погляжу, везде стихи марают,
Под кровлей песенки и оды сочиняют.
И бедный Стукодей, что прежде был капрал,
Не знаю для чего, теперь поэтом стал:
Нет хлеба ни куска, а роскошь выхваляет
И грациям стихи голодный сочиняет;
Пьет воду, а вино в стихах льет через край;
Филису нам твердит: «Филиса, ты мой рай!»
Потом, возвысив тон, героев воспевает:
В стихах его и сам Суворов умирает!
Бедняга! удержиись... брось, брось писать совсем!

¹ Освистывайте меня без стеснения, собратья мои, я отвечу вам тем же. Вольтер (франц.). – Ред.

Не лучше ли тебе маршировать с ружьем!
Плаксивин на слезах с ума у нас сошел:
Всё пишет, что друзей на свете не нашел!
Поверю: ведь с людьми нельзя ему ужиться,
И так не мудрено, что с ними он бранится.
Безрифмин говорит о милых... о сердцах...
Чувствительность души твердит в своих стихах;
Но книг его – увы! – никто не покупает,
Хотя и Глазунов в газетах хвалит.
Глупон за деньги рад нам всякого бранить,
И даже он готов поэмой уморить.
Иному в ум придет, что вкус восстанавливает:
Мы верим все ему – кругами утверждает!
Другой уже спешит нам драму написать,
За коей будем мы не плакать, а зевать.
А третий, наконец... Но можно ли помыслить —
Все глупости людей в подробности исчислить?..
Напрасный будет труд, но в нем и пользы нет:
Сатирою нельзя переменить нам свет.
Зачем с Глупоном мне, зачем всегда браниться?
Он также на меня готов вооружиться.
Зачем Безрифмину бумагу не мариать?
Всяк пишет для себя: зачем же не писать?
Дым славы, хоть пустой, любезен нам, приятен;
Глас разума – увы! – к несчастью, не внятен.
Поэты есть у нас, есть скучные врали;
Они не вверх летят, не к небу, но к земли.
Давно я сам в себе, давно уже признался,
Что в мире, в тишине мой век бы провоздался,

Когда б проклятый Феб мне не вскружил весь ум;
Я презрел бы тогда и славы тщетный шум
И жил бы так, как хан во славном Кашемире,
Не мысля о стихах, о музах и о лире.
Но нет... Стихи мои, без вас нельзя мне жить,
И дня без рифм, без стоп не можно проводить!
К несчастью моему, мне надобно признаться,
Стихи, как женщины: нам с ними ли расстаться?..
Когда не любят нас, хотим их презирать,
Но всё не перестаём прекрасных обожать!

1804 или 1805

Элегия

Как счастье медленно приходит,
Как скоро прочь от нас летит!
Блажен, за ним кто не бежит,
Но сам в себе его находит!
В печальной юности моей
Я был счастлив – одну минуту,
Зато, увы! и горечь люту
Терпел от рока и людей!
Обман надежды нам приятен,
Приятен нам хоть и на час!
Блажен, кому надежды глас
В самом несчастье сердцу внят!
Но прочь уже теперь бежит
Мечта, что прежде сердцу льстила;
Надежда сердцу изменила,
И вздох за нею вслед летит!
Хочу я часто заблуждаться,
Забывать неверную... но нет!
Несносной правды вижу свет,
И должно мне с мечтой расстаться!
На свете всё я потерял,
Цвет юности моей увял:
Любовь, что счастьем мне мечталась,
Любовь одна во мне осталась!

1804 или 1805

Послание к Хлое

Подражание

Решилась, Хлоя, ты со мною удалиться
И в мирну хижину навек переселиться.
Веселий шумных мы забудем дым пустой:
Он скуку завсегда ведет лишь за собой.
За счастьем мы бежим, но редко достигаем,
Бежим за ним вослед – и в пропасть упадем!
Как путник, огонь в лесу когда блудящий зрит,
Стремится к оному, но призрак прочь бежит,
В болота вязкие его он завлекает
И в страшной тишине в пустыне исчезает, —
Таков и человек! Куда ни бросим взгляд,
Узрим тотчас, что он и в счастии не рад.
Довольны все умом, фортуну – нимало.
Что нравилось сперва, теперь то скучно стало;
То денег, то чинов, то славы он желает,
Но славы посреди и денег он – зевает!
Из хижины своей брось, Хлоя, взгляд на свет:
Четыре бьет часа – и кончился обед:
Из дому своего Глицера поспешает,
Чтоб ехать – а куда? – беспечная не знает.
«Постой!» – она кричит, и лошади стоят.
К Лаисе входит в дом, Лаису обнимает,

Садится, говорит о модах – и зевает;
О времени потом, о карточной игре,
О лентах, о пере, о платье и дворе.
Окончив разговор, который истощился,
От скуки уж поет. Глупонов тут явился,
Надутый, как павлин, с пустою головой,
Глядится в зеркало и шаркает ногой.
Вдруг входит Брумербас; всё в зале замолкает.
Вступает в разговор и голос возвышает:
«Париж я верно б взял, – кричит из всех он сил, —
И Амстердам потом, гишпанцев бы разбил...»
Тут вспыхнет, как огонь, затопает ногами,
Пойдет по комнате широкими шагами;
Вообразит себе, что неприятель тут,
Что режут, что палят, кричат «ура!» и жгут.
Заплюет всем глаза герой наш плодовитый,
Но вдруг смиряется и бросив взгляд сердитый;
Начнет рассказывать, как турка задавил,
Как роту целую янычаров убил,
Турчанки нежные в него как все влюблялись,
Как турки в полону от злости запыхались,
И битые часа он три проговорит!..
Никто не слушает, а он кричит, кричит!
Но в зале разговор тут общим становится,
Всяк хочет говорить и хочет отличиться,
Какой ужасный шум! Нельзя ничто понять,
Нельзя и клевету от правды различать.
Ни слова не слышать! Немыми будто стали.
Придите, карты, к нам: все спят уже без вас!

Без карт покажется за век один и час.
К зеленому столу все гости прибегают
И жадность к золоту весельем прикрывают.
Окончили игру и к ужину спешат,
Смеются за столом, с соседом говорят:
И бедный человек живее становится,
За пищей, кажется, он вновь переродится.
Какой я слышу здесь чуднейший разговор!
Какие глупости! какая ложь и вздор!
Педант бранит войну и вместе мир ругает,
Сердечкин тут стихи любовные читает,
Тут старые Бурун нам новости твердит,
А здесь уже Глупон от скуки чуть не спит!
И так-то, Хлоя, век свой люди провожают,
И так-то целый день в бездействии теряют,
День долгий, тягостный ленивому глупцу,
Но краткий, напротив, полезный мудрецу.
Сокроемся, мой друг, и навсегда простимся
С людьми и с городом: в деревне поселимся,
Под мирной кровлею дни будем провождать:
Как сладко тишину по буре нам вкушать!

1804 или 1805

Перевод 1-ой сатиры Боало

Бедняга и поэт, и нелюдим несчастный,
Дамон, который нас стихами всё морил,
Дамон, теперь презрев и славы шум напрасный,
Займодавцев всех своих предупредил.
Боясь судей, тюрьмы, он в бегство обратился,
Как новый Диоген, надел свой плащ дурной,
Как рыцарь, посохом своим вооружился
И, связку навязав сатир, понес с собой.
Но в тот день, из Москвы как в путь он собирался,
Кипя досадою и с гневом на глазах,
Бледнее, чем Глупон, который проигрался,
Свой гнев истощевал почти что в сих словах:
«Возможно ль здесь мне жить? Здесь честности не знают!
Проклятая Москва! Проклятый скучный век!
Пороки все тебя лютейши поглощают,
Незнаем и забыт здесь честный человек.
С тобою должно мне навеки распротиться,
Бежать от должников, бежать из всех мне ног
И в тихом уголке надолго притаиться.
Ах! если б поскорей найти сей уголок!..
Забыл бы в нем людей, забыл бы их навеки.
Пока дней парка нить еще моих прядет,
Спокоен я бы был, не лил бы слезны реки.
Пускай за счастьем, пускай иной идет,

Пускай найдет его Бурун с кривой душою,
Он пусть живет в Москве, но здесь зачем мне жить?
Я людям ввек не льстил, не хвастал и собою,
Не лгал, не сплетничал, но читил, что должно чтить.
Святая истина в словах моих блистала
И музой мне была, но правда глаз нам жжет.
Зато фортуна мне, к несчастью, не ласкала.
Богаты подлецы, что заполняют свет,
Вооружились все против меня и гнали
За то, что правду я им вечно говорил.
Глупцы не разумом, не честностью блистали,
Но золотом одним. А я чтоб их хвалил!..
Скорее я почту простого селянина,
Который потом хлеб кропит насущный свой,
Чем этого глупца, большого господина,
С презреньем давит что людей на мостовой!
Но кто тебе велит (все скажут мне) браниться?
Немудрено, что ты в несчастьи живешь;
Тебе никак нельзя, поверь, с людьми ужиться:
Ты беден, чином мал – зачем же не ползешь?
Смотри, как Сплетнин здесь тотчас обогатился,
Он князем уж давно... Таков железный век:
Кто прежде был в пыли, тот в знати очутился!
Фортуна ветрена, и этот человек,
Который в золотой карете разъезжает,
Без помощи ее на козлах бы сидел
И правил лошадьми, – теперь повелевает,
Теперь он славен стал и сам в карету сел.
А между тем Честон, который не умеет

Стоять с почтением в лакейской у бояр,
И беден, и презрен, ступить шага не смеет;
В грязи замаран весь, он терпит холод, жар.
Бедняга с честностью забыт людьми и светом:
Итак, не лучше ли в стихах нам всех хвалить?
Зато богатым быть, в покое жить нагретом,
Чем добродетелью своей себя морить?
То правда, государь нам часто помогает
И музу спящую, лишь взглянет, – оживит,
Он Феба из тюрьмы нередко извлекает.
Чего не может царь!.. Захочет – и творит.
Но Мецената нет, увы! – и Август дремлет.
Притом захочет ли мне кто благотворить?
Кто участь в жалобах несчастного приемлет,
И можно ли толпу просителей пробить,
Толпу несносную сынов несчастных Феба?
За оду просит тот, сей песню сочинил,
А этот – мадригал. Проклятая от неба,
Прямая саранча! Терпеть нет боле сил!..
И лучше во сто раз от них мне удалиться.
К чему прибегнуть мне? Не знаю, что начать?
Судьею разве быть, в приказные пуститься?
Судьею?.. Боже мой! Нет, этому не быть!
Скорее Стукодей бранить всех перестанет,
Скорей любовников Лаиса отошлет
И мужа своего любить как мужа станет,
Скорей Глицера свой, скорей язык уймет,
Чем я пойду в судьи! Не вижу средства боле,
Как прочь отсюдова сейчас же убежать

И в мире тихо жить в моей несчастной доле,
В Москву проклятую опять не заезжать.
В ней честность с счастьем всегда почти бранится,
Порок здесь царствует, порок здесь властелин,
Он в лентах, в орденах повсюду ясно зрится.
Забыта честность, но фортуны милый сын,
Хоть плут, глупец, злодей, в богатстве утопает,
И даже он везде... Не смею говорить...
Какого стоика сие не раздражает?
Кто может, не браня, здесь целый век прожить?
Без Феба всякий здесь хорошими стихами
Опишет город вам, и в гнев стихотвор
На гору не пойдет Парнас с двумя холмами.
Он правдой удивит без вымыслов убор.
„Потише, – скажут мне, – зачем так горячиться?
Зачем так свысока? Немного удержишь!
Ведь в гнев пользы нет: не лучше ли смириться?
А если хочешь врать, на кафедру взберись,
Там можно говорить и хорошо, и глупо,
Никто не сердится, спокойно всякий спит.
На правду у людей, поверь мне, ухо тупо“.
Пусть светски мудрецы, пусть все так рассуждают.
Противен, знаю, им всегда был правды свет.
Они любезностью пороки закрывают,
Для них священного и в целом мире нет.
Любезно дружество, любезна добродетель,
Невинность чистая, любовь, краса сердец,
И совесть самая, всех наших дел свидетель,
Для них – мечта одна! Постой, о лжемудрец!

Куда влечешь меня? Я жить хочу с мечтою.
Постой! Болезнь к тебе, я вижу, смерть ведет,
Уж крылья ее простерты над тобою.
Мечта ли то теперь? Увы, к несчастью, нет!
Кого переменю моими я словами?
Я верю, что есть ад, святые, дьявол, рай,
Что сам Илья гремит над нашими главами.
А здесь в Москве... Итак, прощай, Москва, прощай!..»

1804 или 1805

К Филисе

Подражание Грессету

*Qu'heureux est le mortel qui, du monde ignore,
Vit content de lui-meme en un coin retire,
Que l'amour de ce rien qu'on nomme renommee
N'a jamais enivre d'une vaine fumee...²*

Что скажу тебе, прекрасная,
Что скажу в моем послании?
Ты велишь писать, Фелиса, мне,
Как живу я в тихой хижине,
Как я строю замки в воздухе,
Как ловлю руками счастье.
Ты велишь – и повинуюся.

Ветер воев всюду в комнате
И свистит в моих окончинах,
Стулья, книги – всё разбросано:
Тут Вольтер лежит на Библии,
Календарь на философии.
У дверей моих мяучит кот,

² Блажен смертный, который, неведомый миру, живет, довольный самим собой, в укромном уголке, которому любовь к тому тлену, что зовется славой, никогда не кружила головы своим суетным угаром (франц.). – Ред.

А у ног собака верная
На него глядит с досадою.
Посторонний, кто взойдет ко мне,
Верно скажет: «Фебом проклятый,
Здесь живет поэт в унынии».
Правда, что воображение
Убирает всё рукой своей,
Сыплет розаны на терние,
И поэт с душой спокойною
Веселее Креза с золотом.
Независимость любезную
Потерять на цепь золочену!..
Я счастлив в моей беспечности,
Презираю гордость глупую,
Не хочу кумиру кланяться
С кучей глупых обожателей.
Пусть змиею изгибаются
Твари подлые, презренные,
Пусть слова его оракулом
Чтут невежды и со трепетом
Мановенья ждут руки его!

Как пылинка ветром поднята,
Как пылинка вихрем брошена,
Так и счастье наше чудное
То поднимет, то опустит вдруг.
Часто бегал за фортуною
И держал ее в руках моих:
Чародейка ускользнула тут

И оставила колючий терн.
Славу, почести мы призраком
Называем, если нет у нас;
Но найдем – прощай, мечтание!
Чашу с ними пьем забвения
(Суета всегда прелестна нам),
И мудрец забудет мудрость всю.
Что же делать нам?.. Бранить людей?..
Нет, найти святое дружество,
Жить покойно в мирной хижине;
Нелюдим пусть ненавидит нас:
Он несчастлив – не завидую.

Страх и ужас на лице его,
Ходит он с главой потупленной,
И спокойствие бежит его!
Нежно дружество с улыбкою
Не согреет сердца хладного,
И слеза его должна упасть,
Не отертая любовью!

Посмотри, Дамон как мудрствует:
Он находит зло единое.
«Добродетель, – говорит Дамон, —
Добродетель – суета одна,
Добродетель – призрак слабых душ.
Предрассудок в мире царствует,
Любям всем он ослепил глаза».
Он недолго будет думать так,

Хладна смерть к нему приблизится:
Он увидит заблуждение,
Он увидит. Совесть страшная
Прилетит к нему тут с зеркалом;
Волоса ее растрепаны,
На глазах ее отчаянье,
А в устах – упреки, жалобы.
Полно! Бросим лучше дале взгляд.
Посмотри, как здесь беспечная
В скуке дни влечет Аталия.
День настанет – нарумянится,
Раза три зевнет – оденется.
«Ах!.. зачем так время медленно!» —
Скажет тут в душе беспечная,
Скажет с вздохом и заснет еще!

Бурун ищет удовольствия,
Ездит, скачет... Увы! – нет его!
Оно там, где Лиза нежная
Скромно, мило улыбается?..
Он приходит к ней – но нет его!..
Скучной Лиза ему кажется.
Так в театре, где комедия
Нас смешит и научает вдруг?
Но и там, к несчастью, нет его!
Так на бале?.. Не найдешь его:
Оно в сердце должно жить у нас...

Сколько в час один бумаги я

Исписал к тебе, любезная!
Всё затем, чтоб доказать тебе,
Что спокойствие есть счастье,
Совесь чистая – сокровище,
Вольность, вольность – дар святых небес.

Но уж солнце закатилось,
Мрак и тени сходят на землю,
Красный месяц с свода ясного
Тихо льет свой луч серебряный,
Тихо льет, но черно облако
Помрачает светлый луч луны,

Как печальны воспоминания
Помрачают нас в веселый час.
В тишине я ночи лунные
Как люблю с тобой беседовать!
Как приятно мне в молчании
Вспоминать мечты прошедшие!
Мы надеждою живем, мой друг,
И мечтой одной питаемся.
Вы, богини моей юности,
Будьте, будьте навсегда со мной!
Так, Фелиса моя милая,
Так теперь, мой друг, я думаю.
Я счастлив – моим спокойствием,
Я счастлив – твоею дружбою...

Бог

На вечном троне Ты средь облаков сидишь
И сильною рукой гром мещешь и разишь.
Но бури страшные и громы Ты смиряешь
И благость на земли реками изливаешь.
Начало и конец, середина всех вещей!
Во тьме Ты ясно зришь и в глубине морей.
Хочу постичь Тебя, хочу – не постигаю.
Хочу не знать Тебя, хочу – и обретаю.

Везде могущество Твое напечатленно.
Из сильных рук Твоих родилось всё нетленно.
Но всё здесь на земли приемлет вид другой:
И мавзолеи где гордились собой,
И горы вечные где пламенем курились,
Там страшные моря волнами вдруг разлились;
Но прежде море где шумело в берегах,
Сияют класы там золотые на полях
И дым из хижин пастушечей курится.
Велишь – и на земли должно всё измениться,
Велишь – как в ветер прах, исчезнет смертных род!
Всесильного чертог, небесный чистый свод,
Где солнце, образ Твой, в лазури нам сияет
И где луна в ночи свет тихий проливает,
Туда мой скромный взор с надеждою летит!

Безбожный лжемудрец в смущеньи на вас зрит.
Он в мрачной хижине Тебя лишь отвергает:
В долине, где журчит источник и сверкает,
В ночи, когда луна нам тихо льет свой луч,
И звезды ясные сияют из-за туч,
И филомелы песнь по воздуху несется, —
Тогда и лжемудрец в ошибке признается.
Иль на горе когда ветер северный шумит,
Скрипит столетний дуб, ужасно гром гремит,
Паляща молния по облаку сверкает,
Тут в страхе он к Тебе, всевышний, прибегает,
Клянет Тебя, клянет и разум тщетный свой,
И в страхе скажет он: «Смиряюсь пред Тобой!
Тебя – тварь брeнная – еще не понимаю,
Но что Ты милостив, велик, теперь то знаю!»

1804 или 1805

К Мальвине

Ах! чем красавицу мне должно,
Как не цветочком, подарить?
Ее, без всякой лести, можно
С приятной розою сравнить.

Что розы может быть славнее?
Ее Анакреон воспел.
Что розы может быть милее?
Амур из роз венок имел.

Ах, мне ль твердить, что вянут розы,
Что мигом их краса пройдет,
Что, лишь появятся морозы,
Листок душистый опадет.

Но что же, милая, и вечно
В печальном мире сем цветет?
Не только розы скоротечно,
И жизнь – увы! – и жизнь пройдет.

Но грации пока толпою
Тебе, Мальвина, вслед идут,
Пока они еще с тобою
Играют, пляшут и поют,

Пусть розы нежные гордятся
На лилиях груди твоей!
Ах, смею ль, милая, признаться?
Я розой умер бы на ней.

Послание к Н. И. Гнедичу

Что делаешь, мой друг, в полтавских ты степях
И что в стихах
Украдкой от друзей на лире воспеваешь?
С Фингаловым певцом мечтаешь
Иль резвою рукой
Венок красавице сплетаешь?
Поешь мечты, любовь, покой,
Улыбку томных Корины
Иль страстный поцелуй шалуньи Зефирины?
Все, словом, прелести Цитерских уз —
Они так дороги воспитаннику муз —
Поешь теперь, а твой на Севере приятель,
Веселий и любви своей летописатель,
Беспечность полюбя, забыл и Геликон.
Терпенье и труды ведь любит Аполлон —
А друг твой славой не прельщался,
За бабочкой, смеясь, гонялся,
Красавицам стихи любовные шептал
И, глядя на людей – на пестрых кукл – мечтал:
«Без скуки, без забот не лучше ль жить с друзьями,
Смеяться с ними и шутить,
Чем исполинскими шагами
За славой побежать и в яму оскользить?»
Охоты, право, не имею

Чрез то я сделаться смешным
И умным, и глупцам, и злым,
Иль, громку лиру взяв, пойти вослед Алкею,
Надувшись пузырем, родить один лишь дым,
Как Рифмин, закричать: «Ликуй, земля, со мною!
Воспряньте, камни, лес! Зрю муз перед собою!
Восторг! Лечу на Пинд!.. Простите, что упал:
Ведь я Пиндару подражал!»
Что в громких песнях мне? Доволен я мечтами,
В покойном уголке тихонько притаюсь,
Но с светом вовсе не простясь:
Играя мыслями, я властвую духами.

Мы, право, не живем
На месте всё одном,
Но мыслями летаем;
То в Африку плывем,
То на развалинах Пальмиры побываем,
То трубку выкурим с султаном иль пашой,
Или, пленясь вдруг султановой женой,
Фатимой томной, молодой,
Тотчас дарим его рогами;
Смеемся муфтию, деремся с визирями,
И после, убежав (кто в мыслях не колдун?),
Увидим стройных нимф, услышим звуки струн,
И где ж очутимся? На бале и в Париже!
И так мечтанием бываем к счастью ближе,
А счастье лишь там живет,
Где нас, безумных, нет.

Мы сказки любим все, мы – дети, но большие.
Что в истине пустой? Она лишь ум сушит,
Мечта всё в мире золотит,
И от печали злая
Мечта нам щит.
Ах, должно ль запретить и сердцу забываться,
Поэтов променя на скучных мудрецов!
Поэты не дают с фантазией расстаться,
Мы с ними посреди Армидиных садов,
В прохладе рощ тенистых,
Внимаем пению Орфеев голосистых.
При шуме ветерков на розах нежных спим
И возле нимф вздыхаем,
С богами даже говорим,
А с мудрецами лишь болтаем,
Браним несчастный мир да, рассердясь... зеваем.

.....

Так, сердце может лишь мечтою услаждаться!
Оно всё хочет оживить:
В лесу на утлом пне друидов находить,
Укрывшихся под ель, рукой времян согбенну;
Услышать барда песнь священну,
С Мальвиною вздохнуть на берегу морском
О ратнике младом.
Всё сердцу в мире сем вешает.
И гроб безмолвен не бывает,
И камень иногда пустынный говорит:

«Герой здесь спит!»

Так, сердцем рождена, поэзия любезна,
Как нектар сладостный, приятна и полезна.
Язык ее – язык богов;
Им дивный говорил Омир, отец стихов.
Язык сей у творца берет Протея виды.
Иной поет любовь: любимец Афродиты,
С свирелью тихою, с увенчанной главой,
Вкушает лишь покой,
Лишь радости одни встречает
И розами стезю сей жизни устилает.
Другой,
Как славный Тасс, волшебною рукой
Являет дивный храм природы
И всех чудес ее тьмочисленные роды:
Я зрю то мрачный ад,
То счастья чертог, Армидин дивный сад;
Когда же он дела героев прославляет
И битвы воспевает,
Я слышу треск и гром, я слышу стон и крик...
Таков поэзии язык!

Не много ли с тобой уж я заговорился?
Я чересчур болтлив: я с Фебом подружился,
А с ним ли бедному поэту сдобровать?
Но, чтоб к концу привести начатое маранье,
Хочу тебе сказать,
Что пременить себя твой друг имел старанье,

Увы, и не успел! Прими мое признание!
Никак я не могу одним доволен быть,
И лучше розы мне на терны пременить,
Чем розами всегда одними восхищаться.
Итак, не должно удивляться,
Что ветреный твой друг —
Поэт, любовник вдруг
И через день потом философ с грозным тоном,
А больше дружен с Аполлоном,
Хоть и нейдет за славы громом,
Но пишет всё стихи,
Которы за грехи,
Краснеяся, друзьям вполголоса читает
И первый сам от них зевает.

Первая половина 1805

«Где друг наш? Где певец? Где юности красы?..»

*Que vois-je, c'en est fait;
je t'embrasse, et tu meurs.
Voltaire³*

Где друг наш? Где певец? Где юности красы?
Увы, исчезло всё под острием косы!
Любимца нежных муз осиротела лира,
Замолк певец: он был, как мы, лишь странник мира!
Нет друга нашего, его навеки нет!
Недолго мир им украшался:
Завял, увы, как майский цвет,
И жизни на заре с друзьями он расстался!

Пнин чувствам дружества с восторгом предавался;
Несчастливым не одно он золото дарил...
Что в золоте одном? Он слезы с ними лил.
Пнин был согражданам полезен,
Пером от злой судьбы невинность защищал,
В беседах дружеских любезен,
Друзей в родных он обращал.

³ Что вижу я, все кончено; я тебя обнимаю, и ты умираешь. Вольтер (франц.). – Ред.

И мы теперь, друзья, вокруг его могилы
Объемлем только хладный прах,
Твердим с тоской и во слезах:
Покойся в мире, друг наш милый,
Питомец граций, муз, ты жив у нас в сердцах!

Когда в последний раз его мы обнимали,
Казалось, с нами мир грустил,
И сам Амур в печали
Светильник погасил:
Не кипарисну ветвь унылу,
Но розу на его он положил могилу.

Сентябрь 1805

Совет друзьям

*Faut-il etre tant volage,
Ai-je dit au doux plaisir...⁴*

Подайте мне свирель простую,
Друзья! и сядьте вокруг меня
Под эту вяза тень густую,
Где свежесть дышит среди дня;
Приблизьтесь, сядьте и внемлите
Совету музы вы моей:
Когда счастливо жить хотите
Среди весенних кратких дней,
Друзья! оставьте призрак славы,
Любите в юности забавы
И сейте розы на пути.
О юность красная! цвети!
И, током чистым окропленна,
Цвети хотя немного дней,
Как роза, миртом осененна,
Среди смеющихся полей;
Но дай нам жизнью насладиться,
Цветы на тернах находить!
Жизнь – миг! не долго веселиться,

⁴ Нужно ли быть столь мимолетным? – сказал я сладостному наслаждению (франц.). – Ред.

Не долго нам и в счастья жить!
Не долго – но печаль забудем,
Мечтать во сладкой неге будем:
Мечта – прямая счастья мать!
Ах! должно ли всегда вздыхать
И в майский день не улыбаться?
Нет, станем лучше наслаждаться,
Плясать под тению густой
С прекрасной нимфой молодой,
Потом, обняв ее рукою,
Дыша любовью одною,
Тихонько будем воздыхать
И сердце к сердцу прижимать.

Какое счастье! Вакх веселый
Густое здесь вино нам льет,
А тут в одежде тонкой, белой
Эрата нежная поет:
Часы крылаты! не летите,
Ах! счастье мигом хоть продлите!
Но нет! бегут счастливы дни,
Бегут, летят стрелой они;
Ни лень, ни сердца наслажденья
Не могут их сдержатъ стремленья,
И время сильною рукой
Губит и радость, и покой!

Луга веселые, зелены!
Ручьи прозрачны, милый сад!

Ветвисты ивы, дубы, клены,
Под тенью вашею прохлад
Ужель вкушать не буду боле?
Ужели скоро в тихом поле
Под серым камнем стану спать?
И лира, и свирель простая
На гробе будут там лежать!
Покроет их трава густая,
Покроет, и ничьей слезой
Прах хладный мой не окропится!
Ах! должно ль мне о том крушиться?
Умру, друзья! – и всё со мной!
Но парки темною рукою
Прядут, прядут дней тонку нить...
Коринна и друзья со мною, —
О чем же мне теперь грустить?

Когда жизнь наша скоротечна,
Когда и радость здесь не вечна,
То лучше в жизни петь, плясать,
Искать веселья и забавы
И мудрость с шутками мешать,
Чем, бегая за дымом славы,
От скуки и забот зевать.

К Гнедичу

Только дружба обещает
Мне бессмертия венок;
Он приметно увядает,
Как от зноя василек.
Мне оставить ли для славы
Скромную стезю забавы?
Путь к забавам проложен,
К славе тесен и мудрен!
Мне ль за призраком гоняться,
Лавры с скукой собирать?
Я умею наслаждаться,
Как ребенок всем играть,
И счастлив!.. Досель цветами
Путь ко счастью устилал,
Пел, мечтал, подчас стихами
Горесть сердца услаждал.
Пел от лени и досуга;
Муза мне была подруга;
Не был ей порабощен.
А теперь – весна, как сон
Легкокрылый, исчезает
И с собою увлекает
Прелесть песней и мечты!
Нежны мирты и цветы,

Чем прелестницы венчали
Юного певца, – завяли!
Ах! ужели наградит
Слава счастья утрату
И ко дней моих закату
Как нарочно прилетит?

1806

«По чести, мудрено в саниях или верхом...»

По чести, мудрено в саниях или верхом,
Когда кричат: «марш, марш, слушай!» кругом,
Писать тебе, мой друг, посланья...
Нет! Музы, убоясь со мной свиданья,
Честненько в Петербург иль Бог знает куда
Изволили сокрыться.
А мне без них беда!
Кто волком быть привык, тому не разучиться
По-волчьи и ходить, и лаять завсегда.
Частенько, погрузясь в священну думу,
Не слыша барабанов шуму,
И крику резкого осанистых стрелков,
Я крылья придаю моей ужасной кляче
И прямо – на Парнас! – или иначе,
Не говоря красивых слов,
Очутится пред мной печальная картина:
Где ветер со всех сторон в разбиты окна дует
И где любовницу, нахмуясь, кот целует,
Там финна бедного сума
С усталых плеч валится,
Несчастный к уголку садится
И, слезы утерев раздраннм рукавом,
Доглаживает хлеб мякинный и голодный...

Несчастный сын страны холодной!
Он с голодом, войной и русскими знаком!

Март 1807

Пастух и соловей

Басня

Владиславу Александровичу Озерову

Любимец строгой Мельпомены,
Прости усердный стих безвестному певцу!
Не лавры к твоему венцу,
Рукою дерзкою сплетенны,
Я в дар тебе принес. К чему мой фимиам
Творцу «Димитрия», кому бессмертны музы,
Сложив признательности узы,
Открыли славы храм?
А храм сей затворен для всех зоилов строгих,
Богатых завистью, талантами убогих.
Ах, если и теперь они своей рукой
Посмеют к твоему творенью прикасаться,
А ты, наш Эврипид, чтоб позабыть их рой,
Захочешь с музами расстаться
И боле не писать,
Тогда прошу тебя рассказ мой прочитать.

Пастух, задумавшись в ночи безмолвной мая,
С высокого холма вокруг себя смотрел,
Как месяц в тишине великолепно шел,

Лучом серебряным долины освещая,
Как в рощах липовых чуть легким ветерком
Листы колеблемы шептали
И светлые ручьи, почив с природой сном,
Едва меж берегов струей своей мелькали.
Из рощи соловей
Долины оглашал гармонией своей,
И эхо песнь его холмам передавало.
Всё душу пастуха задумчиво пленяло,
Как вдруг певец любви на ветвях замолчал.
Напрасно наш пастух просил о песнях новых.
Печальный соловей, вздохнув, ему сказал:
«Недолго в рощах сих дубовых
Я радость воспевал!
Пройдет и петь охота,
Когда с соседнего болота
Лягушки кваканьем как бы назло глушат;
Пусть эта тварь поет, а соловьи молчат!»
«Пой, нежный соловей, – пастух сказал Орфею, —
Для них ушей я не имею.
Ты им молчаньем петь охоту придаешь:
Кто будет слушать их, когда ты запоешь?»

Весна 1807

Выздоровление

Как ландыш под серпом убийственным жнеца
Склоняет голову и вянет,
Так я в болезни ждал безвременно конца
И думал: парки час настанет.
Уж очи покрывал Эреба мрак густой,
Уж сердце медленнее билось:
Я вянул, исчезал, и жизни молодой,
Казалось, солнце закатилось.
Но ты приблизилась, о жизнь души моей,
И алых уст твоих дыханье,
И слезы пламенем сверкающих очей,
И поцелуев сочетанье,
И вздохи страстные, и сила милых слов
Меня из области печали —
От Орковых полей, от Леты берегов —
Для сладострастия призывали.
Ты снова жизнь даешь: она твой дар благой,
Тобой дышать до гроба стану.
Мне сладок будет час и муки роковой:
Я от любви теперь увяну.

Июнь или шоль 1807

Сон могольца

Баснь

Могольцу снилися жилища Елисейски:
Визирь блаженный в них
За добрые дела житейски
В числе угодников святых,
Покойно спал на лоне гурий.
Но сонный видит ад,
Где, пламенем объят,
Терзаемый бичами фурий,
Пустынник испускал ужасный вопль и стон.
Моголец в ужасе проснулся,
Не ведая, что значит сон.
Он думал, что пророк в сих мертвых обманулся
Иль тайну для него скрывал;
Тотчас гадалеля призвал,
И тот ему в ответ: «Я не дивлюсь нimalo,
Что в снах есть разум, цель и склад.
Нам небо и в мечтах премудрость завещало...
Сей праведник, визирь, оставя двор и град,
Жил честно и всегда любил уединенье, —
Пустынник на поклон таскался к визирям».

С гадалелем сказав, что значит сновиденье,

Внушил бы я любовь к деревьям и полям.
Обитель мирная! в тебе успокоенье
И все дары небес даются щедро нам.

Уединение, источник благ и счастья!
Места любимые! ужели никогда
Не скроюсь в вашу сень от бури и ненастья?
Блаженству моему настанет ли чреда?
Ах! кто остановит меня под мрачной тенью?
Когда перенесусь в священные леса?
О музы! сельских дней утеха и краса!
Научите ль меня небесных тел течению?
Светил блистающих несчетны имена
Узнаю ли от вас? Иль, если мне дана
Способность малая и скудно дарованье,
Пускай пленит меня источников журчанье.
И я любовь и мир пустынный воспою!
Пусть парка не прядет из злата жизнь мою
И я не буду спать под бархатным наметом:
Ужели через то я потеряю сон?
И меньше ль по трудах мне будет сладок он,
Зимой – близ огонька, в тени древесной – летом?
Без страха двери сам я парке отопру,
Беспечно век прожив, спокойно и умру.

«Прерву теперь молчания узы...»

Прерву теперь молчания узы
Для друга сердца моего.
Давно ты от ленивой музыки,
Давно не слышал ничего.
И можно ль петь моей цевнице
В пустыне дикой и пустой,
Куда никак нельзя царице
Поэзии прийти молодой?
И мне ли петь под гнетом рока,
Когда меня судьба жестока
Лишила друга и родни?..

Пусть хладные сердца одни
Средь моря бедствий засыпают
И взор спокойно обращают
На гробы ближних и друзей,
На смерть, на клевету жестоку,
Ползущу низкою змией,
Чтоб рану нанести жестоку
И непорочности самой.
Но мне ль с чувствительной душой
Быть в мире зол спокойной жертвой
И клеветы, и разных бед?..
Увы! я знаю, что сей свет

Могилой создан нам отверстой,
Куда падет, сражен косою,
И царь с венчанною главой,
И пастырь, и монах, и воин!
Ужели я один достоин
И вечно жить, и быть блажен?

Увы! здесь всяк отягощен
Ярмом печали и цепями,
Которых нам по смерть руками,
Столь слабыми, нельзя сложить.
Но можно ль их, мой друг, влачить
Без слез, не сокрушась душевно?
Скорее морем лъзя безбедно
На валкой ладие проплыть,
Когда Борей расширит крылы,
Без ветрил, снастей и кормила,
И к небу взор не обратить...

Я плачу, друг мой, здесь с тобою,
А время молнией летит.
Уж месяц светлый надо мною
Спокойно в озеро глядит,
Всё спит под кровом майской нощи,
Едва ли водопад шумит,
Безмолвен дол, вздремали рощи,
В которых луч луны скользит
Сквозь ветки, на землю склоненны.
И я, Морфеем удрученный,

Прерву цевницы скорбный глас
И, может, в полуночный час
Тебя в мечте, мой друг, познаю
И раз еще облобызаю...

Между маем и 1 июля 1808

К Тассу⁵

Позволь, священна тень, безвестному певцу
Коснуться к твоему бессмертному венцу
И сладость пения твоей авзонской музыки,
Достойной берегов прозрачной Аретузы,
Рукою слабою на лире повторить
И новым языком с тобою говорить!⁶
Среди Элизия близ древнего Омира
Почиет тень твоя, и Аполлона лира
Еще согласьем дух поэта веселит.
Река забвения и пламенный Коцит
Тебя с любовницей, о Тасс, не разлучили:⁷
В Элизии теперь вас музы съединили,
Печали нет для вас, и скорбь протекших дней,
Как сладостну мечту, объемлете душой...
Торквато, кто испил все горькие отравы
Печалей и любви и в храм бессмертной славы,
Ведомый музами, в дни юности проник, —
Тот преждевременно несчастлив и велик!⁸

⁵ Сие послание предположено было напечатать в заглавии перевода «Освобожденного Иерусалима»

⁶ Кажется, до сих пор у нас нет перевода Тассовых творений в стихах.

⁷ Торквато был жертвою любви и зависти. Всем любителям словесности известна жизнь его.

⁸ Тасс десяти лет от роду писал стихи и, будучи принужден бежать из Неаполя

Ты пел, и весь Парнас в восторге пробудился,
В Феррару с музами Феб юный ниспустился,
Назонову тебе он лиру сам вручил,
И гений крыльями бессмертья осенил.
Воспел ты бурну брань, и бледны эвмениды
Всех ужасов войны открыли мрачны виды:
Бегут среди полей и топчут знамена,
Светильником вражды их ярость разжена,
Власы растрепаны и ризы обагрены,
Я сам среди смертей... и Марс со мною медный...
Но ужасы войны, мечей и копий звук
И гласы Марсовы как сон исчезли вдруг:
Я слышу вдалеке пастушечьи свирели,
И чувства душой иные овладели.
Нет более вражды, и бог любви молодой
Спокойно спит в цветах под миртою густой.
Он встал, и меч опять в руке твоей блистает!
Какой Протей тебя, Торквато, пременяет,
Какой чудесный бог чрез дивные мечты
Рассеял мрачные и нежны красоты?
То скиптр в его руках или перун зажженный,
То розы юные, Киприде посвященны,
Иль факел эвменид, иль луч златой любви.
В глазах его – любовь, вражда – в его крови;
Летит, и я за ним лечу в пределы мира,
То в ад, то на Олимп! У древнего Омира

с отцом своим, сравнивал себя с молодым Асканием. До тридцатилетнего возраста кончил он бессмертную поэму Иерусалима, написал «Аминту», много рассуждений о словесности и проч.

Так шаг один творил огромный бог морей
И досягал другим краев подлунной всей.
Армиды чарами, средь моря сотворенной,
Здесь тенью миртовой в долине осененной,
Ринальд, молодой герой, забыв воинский глас,
Вкушает прелести любви и зараз...
А там что зрят мои обвороженны очи?
Близ стана воинска, под кровом черной ночи,
При зареве бойниц, пылающих огнем,
Два грозных воина, вооружась мечом,
Неистойвой рукой струят потоки крови...
О, жертва ярости и плачущей любви!..
Постойте, воины!.. Увы!.. один падет...
Танкред в враге своем Клоринду узнает,
И морем слез теперь он платит, дерзновенный,
За каплю каждую сей крови драгоценной...⁹

Что ж было для тебя наградою, Торкват,
За песни стройные? Зоилов острый яд,
Притворная хвала и ласки царедворцев,
Отрава для души и самых стихотворцев,
Любовь жестокая, источник зол твоих,
Явилась тебе среди палат златых,
И ты из рук ее взял чашу ядовиту,
Цветами юными и розами увиту,
Испил и, упоен любовною мечтой,

⁹ Gli occhi tuoi pagheran...Di quel sangue ogni stilla un mar di pianto.La Gierusalemme.Canto XII.(За каждую каплю этой крови твои глаза заплатят морем слез. «Иерусалим». Песнь XII) (итал.). – Ред.

И лиру, и себя поверг пред красотой.
Но радость наша – ложь, но счастье – крылато;
Завеса раздрана! Ты узник стал, Торквато!
В темницу мрачную ты брошен, как злодей,
Лишен и вольности, и Фебовых лучей.
Печаль глубокая поэтов дух сразила,
Исчез талант его и творческая сила,
И разум весь погиб! О вы, которых яд
Торквату дал вкусить мучений лютых ад,
Придите зрелищем достойным веселиться
И гибелью его таланта насладиться!
Придите! Вот поэт превыше смертных хвал,
Который говорить героев заставлял,
Проникнул взорами в небесные чертоги, —
В железах стонет здесь... О милосердны боги!
Доколе жертвою, невинность, будешь ты
Бесчестной зависти и адской клеветы?

Имело ли конец несчастье поэта?
Железною рукой печаль и быстры лета
Уже безвременно белят его власы,
В единообразии бегут, бегут часы,
Что день, то прежняя скорбь, что ночь – мечты ужасны...
Смягчился наконец завет судьбы злосчастной.
Свободен стал поэт, и солнца луч златой
Льет в хладну кровь его отраду и покой:
Он может опочить на лоне светлой славы.
Средь Капитолия, где стены обветшалы
И самый прах еще о римлянах твердит,

Там ждет его триумф... Увы!.. там смерть стоит!
Неумолимая берет венок лавровый,
Поэта увенчать из давних лет готовый.
Премена жалкая столь радостного дни!
Где знамя почестей, там смертны пелены,
Не увенчание, но лики погребальны...
Так кончились твои, бессмертный, дни печальны!

Нет более тебя, божественный поэт!
Но славы Тассовой исполнен ввеки свет!
Едва ли прах один остался древней Трои,
Не знаем и могил, где спят ее герои,
Скамандр божественный вертепами течет,
Но в памяти людей Омир еще живет,
Но человечество певцом еще гордится,
Но мир ему есть храм... И твой не сокрушится!

Между маем и началом августа 1808

«Пустынник Петр говорил в верховном совете...»

Пустынник Петр говорил в верховном совете.
Он предложил Готфреда в вожди.

Скончал пустынник речь... Небесно вдохновенье!
Не скрыто от тебя сердечное движенье,
Ты в старцевы уста глагол вложило сей
И сладость оног влило в сердца князей,
Ты укротило в них бушующие страсти,
Дух буйной вольности, любовь врожденну к власти:
Вильгельм и мудрый Гелф, первейший из вождей,
Готфреда нарекли вождем самих царей.

И плески шумные избранье увенчали!
«Ему единому, – все ратники вещали, —
Ему единому вести ко славе нас!
Законы пусть дает его единый глас;
Доселе равные, его послушны воле,
Под знаменем святым пойдем на бранно поле,
Поганство буйное святыне покорим.
Награда небо нам: умрем иль победим!»

Узрели воины начальника избранна
И властью почли достойно увенчанна.

Он плески радостны от войска восприял,
Но вид приличия спокойного являл.
Клялися все его повиноваться воле.
Наутро он велел полкам собраться в поле,
Что рать под знамена священны притекла
И слава царское веленье разнесла.

Торжественней в сей день явилось над морями
Светило дня, лучи лиющее реками!
Христово воинство в порядке потекло
И дол обширнейший строями облегло.
Развились знамена, и копыя заблистали,
Скользящие лучи сталь гладку зажигали;
Но войско двинулось: перед вождем течет
Тяжела конница и ей пехота вслед.

О память светлая! тобою озаренны
Протекши времена и подвиги забвенны,
О память, мне свои хранилища открой!
Чьи ратники сии? Кто славный их герой?
Повеждь, да слава их, утраченна веками,
Твоими возблестит небренными лучами!
Увековечи песнь нетлением своим,
И время сокрушит железо перед ним!

Явились первые неустрашими галлы:
Их грудь облечена в слиянные металлы,
Оружие звенит тяжелое в руках.
Гуг, царский брат, сперва был вождем в сих полках;

Он умер, и хоругвь трех лилий благородных
Не в длани перешла ее царей природных,
Но к мужу, славному по доблести своей:
Клотарий избран был в преемники царей.

Счастливым Иль-де-Франс, обильный, многоводный,
Вождя и ратников строю был природной.
Нормандцы грозные текут сим войскам вслед:
Роберт их кровный царь, ко брани днесь ведет.
На галлов сходствует оружие их и нравы;
Как галлы, не щадят себя для царской славы.
Вильгельм и Адемар их войски в брань ведут,
Народов пастыри за веру кровь лиют.

Кадильницу они с булатом сочетали
И длинные власы шеломами венчали.
Святое рвение! Их меткая рука
Умеет поражать врагов издалека.
Четырестам мужам, в Орангии рожденным,
Вильгельм предшествует со знаменем священным;
Но равное число идет из Пуйских стен,
И Адемар вождем той рати наречен.

Се _и_дет Бодоин с болонцами своими:
Покрыты чела их шеломами златыми.
Готфреда воины за ними вслед идут,
Вождем своим теперь царева брата чтут.
Корнутский граф потом, вождь мудрости избранный,
Четыреста мужей ведет на подвиг бранный;

Но трижды всадников тоlikое число
Под Бодоиновы знамена притекло.

Гелф славный возле них покрыл полками поле,
Гелф славен счастьем, но мудростию боле.
Из дома Эстского сей витязь родился,
Воспринят Гелфом был и Гелфом назвался;
Каринтией теперь богатой обладает
И власть на ближние долины простирает,
По коим катит Рейн свой серебряный кристалл:
Свев дикий искони там в детстве обитал.

Между маем и началом августа 1808

«Адские духи царствуют в очарованном лесе; Ринальд по повелению...»

Адские духи царствуют в очарованном лесе; Ринальд по повелению

Готфреда шествует туда, дабы истребить чары Исменовы.

Се час божественный Авроры золотой:
Со светом утренним слился мрак ночной,
Восток румяными огнями весь пылает,
И утрення звезда во блесках потухает.
Оставя по траве, росой обмытой, след,
К горе Оливовой Ринальд уже течет.
Он в шествии своем светила зрит небренны,
Руками Вышнего на небесах возженны,
Зрит целый свод небес, раскинут как шатер,
И в мыслях говорит: «Колико Ты простер,
Царь вечный и благий, сияния над нами!
В день солнце, образ Твой, течет под небесами,
В ночь тихую луна и сонм бесчисленных звезд
Лият утешный луч с лазури горних мест.
Но мы, несчастные, страстями упоенны,
Мы слепы для чудес: красавиц взор влюбленный,
Улыбка страстная и вредные мечты

Приятнее для нас нетленной красоты». На твердые скалы в сих мыслях востекает И там чело свое к лицу земли склоняет. Но духом к вечному на небеса парит. К востоку обратясь, с восторгом говорит: «Отец и Царь благий, прости мне ослепление, Кипящей юности невольно заблуждение, Прости и на меня излей своей рукой Источник радости и благодати святой!» Скончал молитву он. Уж первый луч Авроры Блистает сквозь туман на отдаленны горы; От пурпурных лучей героев шлем горит. Зефир, спорхнув с цветов, по воздуху парит И грозное чело Ринальда лобызает; Ниспадшею росой оружие блистает, Щит крепкий, копие, железная броня Как золото горят от солнечна огня. Так роза блеклая, в час утра оживая, Красуется, слезой Аврориной блистая; Так, чешуей гордясь, весною лютый змей Вьет кольца по песку излучистой струей. Ринальд, блистанием оружия удивленный, Стопами смелыми – и свыше вдохновенный — Течет в сей мрачный лес, самих героев страх, Но ужасов не зрит: в прохладе и тених Там нега с тишиной, обнявшись, засыпают, Зефиры горлицей меж тростников вздыхают, И с томной сладостью журчит в кустах ручей. Там лебедь песнь поет, с ним стонет соловей,

И гласы сельских нимф и арфы тихострунной
Несутся по лесу как хор единошумный.
Не нимф и не сирен, не птиц небесных глас,
Не царство сладкое и неги, и зараз
Мечтал найти Ринальд, но ад и мрак ужасный,
Подземные огни и трески громогласны.
Восторжен, удивлен, он шаг умерил свой
И путь остановил над светлою рекой.
Она между лугов, казалось, засыпала
И в зеркальных водах берега образовала,
Как цепь чудесная, вокруг леса облегла.
Пространство всё ее текуща кристалла
Древа, соплетшихся ветвями, осеняли,
Питались влагою и берег украшали.
На водах мраморных мост дивный, весь златой,
Явил через реку герою путь прямой.
Ринальд течет по нем, конца уж достигает,
Но свод, обрушившись, мост с треском низвергает.
Кипящие валы несут его с собой.
Не тихая река, не ток сей, что весной,
Снегами наводнен, текущими с вершины,
Шумит и пенится в излучинах долины,
Представился тогда Ринальдовым очам.
Герой спешит оттоль к безмолвным сим лесам,
В вертепы мрачные, обильны чудесами,
Где всюду под его рождались стопами
(О, призрак волшебства и дивные мечты!)
Ручьи прохладные и нежные цветы.
Влюбленный здесь нарцисс в прозрачный ток глядится,

Там роза, цвет любви, на терниях гордится;
Повсюду древний лес красуется, цветет,
Вид юности кора столетних лип берет,
И зелень новая растения венчает.
Роса небесная на ветвях блистает,
Из толстых коры струится светлый мед.
Любовь живет весь лес, с пернатыми поет,
Вздыхает в тростниках, журчит в ручьях кристальных,
Несется песнями, теряясь в рощах дальних,
И тихо с ветерком порхая по цветам.
Герой велик и мудр, не верит он очам
И адским призракам в лесу очарованном.
Вдруг видит на лугу душистом и просторном
Высокий мирт, как царь, между деревьев других.
Красуется его чело в ветвях густых,
И тень прохладная далеко вокруг ложится.
Из дуба ближнего сирена вдруг рождается,
Волшебством создана. Чудесные мечты
Прияли гибкий стан и образ красоты.
Одежда у нее, поднятая узлами,
Блестит, раскинута над белыми плечами.
Сто нимф из ста деревьев внезапно родились
И все лилейными руками соплелись.
На мертвом полотне так – кистию чудесной
Изображенный – зрим под тению древесной
Лик сельских стройных дев, собрание красот:
Играют, резвые, сплетаясь в хоровод,
Их ризы как туман, и перси обнаженны,
Котурны на ногах, волосы переплетенны.

Так лик чудесных нимф наместо грозных стрел
Златыми цитрами и арфами владел.
Одежды легкие они с рамен сложили
И с пляской, с пением героя окружили.
«О ратник юноша, счастлив навеки ты,
Любим владычицей любви и красоты!
Давно, давно тебя супруга ожидала,
Отчаянна, одна, скиталась и стенала.
Явился – и с тобой расцвел сей дикий лес,
Чертог уныния, отчаянья и слез».
Еще нежнейший глас из мирта издается
И в душу ратника, как нектар сладкий, льется.
В древнейши, баснями обильные века,
Когда и низкий куст, и малая река
Дриаду юную иль нимфу заключали,
Столь дивных прелестей внезапно не рождали.
Но мирт раскрыл себя... О призрак, о мечты!
Ринальд Армиды зрит стан, образ и черты,
К нему любовница взор страстный обращает,
Улыбка на устах, в очах слеза блистает,
Все чувства борются в пылающей груди,
Вздыхая, говорит: «Друг верный мой, приди,
Отри своей рукой сих слез горячих реки,
Отри и сердце мне свое отдай навеки!
Вещай, зачем притек? Блаженство ль хочешь пить,
Утешить сирую и слезы осушить,
Или вражду принес? Ты взоры отвращаешь,
Меня, любовницу, оружием стращаешь...
И ты мне будешь враг!.. Ужели для вражды

Воздвигла дивный мост, посеяла цветы,
Ручьями скрасила вертеп и лес дремучий
И на пути твоём сокрыла терн колючий?
Ах, сбрось свой грозный шлем, чело дай зреть очам,
Прижмись к груди моей и к пламенным устам,
Умри на них, супруг!.. Сгораю вся тобою —
Хоть грозною меня не отклони рукою!»
Сказала. Слез ручей блестит в ее очах,
И розы нежные бледнеют на щеках.
Томится грудь ее и тягостно вздыхает;
Печаль красавице приятства умножает,
Из сердца каменна потек бы слез ручей —
Чувствителен, но тверд герой в душе своей.
Меч острый обнажил, чтоб мирт сразить ударом;
Тут древо защитив, рекла Армида с жаром:
«Убежище мое, о варвар, ты разишь!
Нет, нет, скорее грудь несчастных пронзишь,
Упьешься кровию своей супруги страстной...»
Ринальд разит его... И призрак вдруг ужасный,
Гигант, чудовище явилось пред ним,
Армиды прелести исчезнули, как дым.
Сторукий исполин, покрытый чешуею,
Небес касается неистовой главою.
Горит оружие, звенит на нем броня,
Исполнена гортань и дыма, и огня.
Все нимфы вокруг его циклопов вид прияли,
Щитами, копьями ужасно застучали.
Бесстрашен и велик средь ужасов герой!
Стократ волшебный мирт разит своей рукою:

Он вздрогнул под мечем и стоны испускает.
Пылает мрачный лес, гром трижды ударяет,
Исчадья адские явились на земле,
И серны молнии взвились в ужасной мгле.
Ни ветер, ни огонь, ни дым не устрасил героя...
Упал волшебный мирт, и бездны ад закроя,
Ветр бурный усмирил и бурю в облаках,
И прежняя лазурь явилась в небесах.

Между августом 1808 и первой половиной 1809

Воспоминание

Мечты! – повсюду вы меня сопровождали
И мрачный жизни путь цветами устилали!
Как сладко я мечтал на Гейльсбергских полях,
Когда весь стан дремал в покое
И ратник, опершись на копие стальное,
Смотрел в туманну даль! Луна на небесах
Во всем величии блистала
И низкий мой шалаш сквозь ветви освещала;
Аль светлый чуть струю ленивую катил
И в зеркальных водах являл весь стан и рощи;
Едва дымился огонь в часы туманной ночи
Близ кущи ратника, который сном почил.
О Гейльсбергски поля! О холмы возвышенны!
Где столько раз в ночи, луною освещенный,
Я, в думу погружен, о родине мечтал;
О Гейльсбергски поля! В то время я не знал,
Что трупы ратников устелют ваши нивы,
Что медной челюстью гром грянет с сих холмов,
Что я, мечтатель ваш счастливый,
На смерть летя против врагов,
Рукой закрыв тяжелу рану,
Едва ли на заре сей жизни не увяну... —
И буря дней моих исчезла как мечта!..
Осталось мрачно вспоминанье...

Между протекшего есть вечная черта:
Нас сблизит с ним одно мечтанье.
Да оживлю теперь я в памяти своей
Сию ужасную минуту,
Когда, болезнь вкушая люту
И видя сто смертей,
Боялся умереть не в родине моей!
Но небо, вняв моим молениям усердным,
Взглянуло оком милосердным:
Я, Неман переплыв, узрел желанный край,
И, землю лобызав с слезами,
Сказал: «Блажен стократ, кто с сельскими богами,
Спокойный домосед, земной вкушает рай
И, шага не ступя за хижину убогу,
К себе богиню быстроногу
В молитвах не зовет!
Не слеп ко славе он любовью,
Не жертвует своим спокойствием и кровью,
Могилу зрит свою и тихо смерти ждет».

Между шолем 1807 и ноябрем 1809

Стихи г. Семеновой

E in sì bel corpo più cara venia.¹¹

Тасс. V песнь «Освобожденного Иерусалима»

Я видел красоту, достойную венца,
Дочь добродетельну, печальну Антигону,
Опору слабую несчастного слепца;
Я видел, я внимал ее сердечну стону —
И в рубище простом почтенной нищеты
Узнал богиню красоты.
Я видел, я познал ее в Моине страстной,
Средь сонма древних бард, средь копий и мечей,
Ее глас сладостный достиг души моей,
Ее взор пламенный, всегда с душой согласный,

Я видел – и познал небесны черты
Богини красоты.
О дарование, одно другим венчанно!¹²
Я видел Ксению, стелящу предо мной:
Любовь и строгий долг владеют вдруг княжной;
Боренье всех страстей в ней к ужасу слиянно,
Я видел, чувствовал душевной полнотой
И счастлив сей мечтой!

¹¹ В прекрасном теле прекраснейшая душа (итал.). – Ред.

¹² Дарование поэта и актрисы.

Я видел и хвалить не смел в восторге страстном;
Но ныне, истиной священной вдохновлен,
Скажу: красот собор в ней явно съединен:
Душа небесная во образе прекрасном
И сердца доброго все редкие черты,
Без коих ничего и прелесть красоты.

6 сентября 1809, Ярославль

Видение на берегах леты

Вчера, Бобровым утомленный,
Я спал и видел странный сон!
Как будто светлый Аполлон,
За что, не знаю, прогневленный,
Поэтам нашим смерть изрек;
Изрек – и все упали мертвы,
Невинны Аполлона жертвы!
Иной из них окончил век,
Сидя на чердаке высоком,
В издранном шлафроке широком,
Наг, голоден и утомлен
Упрямой рифмой к _светлу небу_.
Другой, в Цитеру пренесен,
Красу, умильную как Гебу,
Хотел для нас насильно... петь
И пал бес чувств в конце эклоги;
Везде, о милосердны боги!
Везде пирует алчна смерть,
Косою острой быстро машет,
Богату ниву аду пашет
И губит Фебовых детей,
Как ветер осенний злак полей!
Меж тем в Элизии священном,
Лавровым лесом осененном,

Под шумом Касталийских вод,
Певцов нечаянный приход
Узнал почтенный Ломоносов,
Херасков, сын и слава россов,
Самолюбивый Фебов сын,
Насмешник, грозный бич пороков,
Замысловатый Сумароков
И, Мельпомены друг, Княжнин.
И ты сидел в толпе избранной,
Стыдливой грацией венчанный,
Певец прелестных мечты,
Между Психеи¹³ легкокрылой
И бога нежной красоты;
И ты там был, наездник хилый
Строптива девственниц седла,
Трудолюбивый, как пчела,
Отец стихов «Тилемахиды»,
И ты, что сотворил обиды
Венере девственной, Барков!
И ты, о мой певец беззлобный,
Хемницер, в баснях бесподобный! —
Все, словом, коих бог певцов
Венчал бессмертия лучами,
Сидели там олив в тени,
Обнявшись с прежними врагами;
Но спорили еще они
О том, о сем – и не без шума

¹³ Психею – душу или мечту – древние изображали в виде бабочки или крылатой девы, обнявшейся с Купидоном.

(И в рае, думаю, у нас
У всякого своя есть дума,
Рассудок свой, и вкус, и глаз).
Садились все за пир богатый,
Как вдруг Майинин сын крылатый,
Ниссланный вышним Божеством,
Сказал сидящим за столом:
«Сюда, на берег тихой Леты,
Бредут покойные поэты;
Они в реке сей погрузят
Себя и вместе юных чад.
Здесь опыт будет правосудный:
Стихи и проза безрассудны
Потонут вмиг: так Феб судил!» —
Сказал Эрмий – и силой крыл
От ада к небу воспарил.
«Ага! – Фонвизин молвил братьям, —
Здесь будет встреча не по платьям,
Но по заслугам и уму».
– «Да много ли, – в ответ ему
Кричал, смеясь, Сумароков, —
Певцов найдется без пороков?
Поглотит Леты всех струя,
Поглотит всех, иль я не я!»
– «Посмотрим, – продолжал вполгласа
Поэт, проклятый от Парнаса, —
Егда придут...» Но вот они,
Подобно как в осенни дни
Поблеклы листья древесны,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.